

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-1-44-61

УДК 316.342.6

Специфика ценностных установок агентов социальных изменений

Ирина Николаевна Воробьева

кандидат социологических наук, доцент
кафедры социологии и социальных технологий,
Череповецкий государственный университет (г. Череповец, РФ)
ORCID: 0000-0001-5970-051X; WoS ResearcherID: AAX-4496-2021
Vorobyova-i-n@yandex.ru

Аннотация. Цель статьи — выявить специфику ценностного ядра установок наиболее активных слоев населения. Теоретико-методологической основой работы является деятельностно-активистский подход В. А. Ядова. Основная гипотеза исследования: наиболее активной части населения свойственна достижительная мотивация в работе, ярко выраженный локус ответственности, склонность к солидарности, творческая сущность личности. Метод сбора информации — массовый опрос населения г. Череповца Вологодской области по квотной репрезентативной выборке в соответствии с половозрастной структурой города старше 18 лет, всего опрошено 600 человек в марте 2020 г. Научная новизна заключается в выделении наиболее активной социальной группы агентов социальных изменений на основании практик формального и неформального социального участия, выявлении специфики их установок и ценностей. В основу выделения ценностного ядра установок наиболее активной части населения положены работы по изучению категории креативного класса Р. Флориды, Ю. Г. Волкова, А. Ю. Масленникова и др., а также работы по практическому измерению мотивов и установок гражданского и социального участия С. В. Патрушева, В. В. Петухова, Ю. Б. Савельева. Во второй части статьи показан факт низкого уровня членства населения в формальных организациях. Но при этом выявлены достаточно развитые практики неформального общественного участия и неформальной помощи. Анализ ответов на индикаторы выявления ценностных установок среди разных по уровню социальной активности групп населения позволил выделить основное ядро ценностных ориентиров агентов социальных изменений. Среди активистов наиболее явно выявлены мотивы достижения в работе: возможность проявления инициативы, самореализация, самостоятельность, перспективы карьерного роста. Для активистов характерны черты креативности в повседневных установках: стремление заниматься чем-то новым, даже если это связано с риском и трудностями, удовольствие от творческой работы. Важной составляющей их установок является ярко выраженная ответственность за происходящее в доме, районе, они предпочитают при решении проблем брать ответственность и инициативу на себя. Агентам социальных изменений свойственна солидарность, склонность к объединению, совместным действиям для решения общих проблем.

Ключевые слова: агенты социальных изменений, ценностные установки, креативный класс, мотивация достижения, социальное участие, неформальная помощь, локус ответственности.

Цитирование: Воробьева И. Н. Специфика ценностных установок агентов социальных изменений / И. Н. Воробьева // Siberian Socium. 2022. Том 6. № 1 (19). С. 44-61.
DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-1-44-61

ВВЕДЕНИЕ

Основной целью данной статьи является выявление установок, ценностных ориентиров агентов социальных изменений. Под агентами социальных изменений мы понимаем социальную группу населения, готовую и принимающую участие в практиках по преобразованию в позитивном русле окружающей социальной реальности. Важность выявления данной группы, изучения ее установок и их количественное измерение в разных регионах страны объясняется их высоким потенциалом для развития территорий. Зачастую проблема прорывного развития заключается в недостаточности деятельностных социальных ресурсов общества, что проявляется в инертности населения, низкой вовлеченности в практики преобразования. В соответствии с разработанной нами методикой изучения агентов социальных изменений, базовым аспектом выделения агентов мы считаем высокий уровень социального участия. Практики социального участия в разной мере распространены среди разных социальных групп, но именно группу агентов социальных изменений выделяет обширное количество данных практик, а также присутствие среди ядра ценностных ориентаций и установок стремления изменить существующую социальную среду.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ

Для выявления ценностных установок агентов социальных изменений сначала необходимо выявить основные практики их деятельности, которые находятся в русле социального и гражданского участия. Существует несколько подходов изучения участия. В зарубежном и отечественном опыте, в том числе из-за разности в переводах, есть определенная понятийная путаница. Зачастую общественное, гражданское, социальное участие звучат как синонимы.

Истоки изучения участия взаимосвязаны с осмыслением и изучением таких концептов, как социальный капитал, социальные ресурсы. Как отечественные, так и зарубежные авторы, занимающиеся данной проблематикой, обращаются к трудам П. Бурдьё, Р. Патнема, Дж. Коулмана.

Участие тесно взаимосвязано с социальным капиталом в работах основателей данной категории. П. Бурдьё определяет социальный капитал как «совокупность актуальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием прочными сетями связей, т. е. с членством в группе» [30]. Р. Патнем уровень социального капитала приравнивает к членству в группах с горизонтальной структурой — спортивным и культурным сообществам, кооперативам и обществам взаимопомощи [40, 41]. Дж. Коулман считает, что любая сеть или организация является носителем социального капитала, если нормы и потоки информации могут быть использованы для получения личных или групповых благ [32, 33].

На данный момент практическое измерение практик политического, социального и гражданского участия широко освещается в зарубежной литературе. Но, на наш взгляд, более детальный акцент, как и в отечественной литературе, делается на практики политического участия [35, 37, 38, 42]. Спецификой является то, что в отечественной литературе среди возрастных групп чаще всего уделяется внимание участию молодежи, а в зарубежной практике отдают предпочтение изучению участия лиц пожилого возраста [31]. Достаточно широко представлено направление изучения практик социального и политического участия мигрантов, их взаимодействия с коренным населением, влияния личных качеств мигрантов и их социальных ресурсов на участие [34]. Особенно детально это направление представлено в работе Л. Моралеса и М. Джуигни [39]. Вполне закономерно, что в последнее время получили распространение темы, связанные с изучением как влияния пандемии на практики участия, так и, напротив, уровня социальной активности населения — на решение проблем, связанных с пандемией [28].

На наш взгляд, существенное влияние на развитие интереса к изучению участия оказала реализация Европейского социального исследования. На сайте исследования в общем доступе с 2002 г. каждые два года публикуются инструментарии и эмпирические базы изучения населения европейских стран по широкому блоку вопросов, среди

которых в 2002 г. представлены все практики участия. Наиболее детально результаты исследования раскрыты в работах Н. Кеннета и Г. Хейко [36]. Авторы детально анализируют формы и уровень участия европейских стран, в работе приводится детальная классификация форм участия, анализ взаимосвязи разных форм на основании кластерного анализа.

В отечественной практике развернутое понятие социального участия, на которое очень часто ссылаются отечественные исследователи, дается в работе И. А. Скалабан: «Социальное участие представляет собой коллективную деятельность людей, горизонтальную активность, осуществляемую ими в рамках повседневной жизни и направленную на удовлетворение общественного интереса. Социальное участие может осуществляться через формальные или неформальные практики» [21, с. 137]. А. А. Мерзляков также к социальному участию относит и вертикальные связи, деятельность граждан и групп населения с органами власти и управления [11]. Ю. Б. Савельев, как и И. А. Скалабан, делает вывод, что рамки исследования гражданского и социального участия в российской практике достаточно размыты. Ограничения гражданского участия, на его взгляд, определяются включением принятия решений на государственном уровне и уровне организаций. А социальное участие больше связано с межличностными контактами горизонтального уровня [20, с. 66]. Нам представляется более обоснованным и эмпирически верифицированным базовое выделение практик участия, представленное в Европейском социальном исследовании [36]. В исследовании изучаются: две формы политического участия (традиционное и протестное); участие в общественных объединениях (в свою очередь, делится на четыре формы: вхождение в организацию, участие, предоставление денег и добровольная работа в организации); неформальное социальное участие (мера социальной вовлеченности); неформальное помогающее поведение. Если последнее, с точки зрения всех авторов, однозначно является формой социального участия, включенность в формальные организации и неформальное обще-

ственное участие могут являться практиками как социального, так и общественного и гражданского участия. Однозначно трактуется только политическое. Так как нам скорее важна сущность активной деятельности социального порядка и выявление ценностного ядра активистов, то мы будем рассматривать все упомянутые практики, обозначая их предложенными формами.

Теоретико-методологической основой изучения деятельностных ценностей в нашей работе послужили работы В. А. Ядова и Т. И. Заславской [7, 8]. Деятельностный потенциал выражается в активности, энергии и деловых качествах социальных агентов. Представители достигательных стратегий, обладая большой энергией и амбициозностью, играют роль «локомотивов» социальных преобразований. Одним из индикаторов деятельностного потенциала является инновационно-реформаторский потенциал, состоящий из трех компонентов: реформаторского, социально-инновационного (готовность и способность к разного рода нововведениям, обновлению базовых социальных практик), адаптационного (способность приспосабливаться к изменяющейся среде [7, с. 269]. В деятельностно-активистском подходе В. А. Ядова важным является блок индивидуально-личностных ресурсов, среди которых значатся: высокая личная самооценка, интернальность, готовность к риску, способность к адаптации [27, с. 316].

Изучение ценностных ориентиров активистов является актуальным проблемным полем и в разных аспектах прослеживается в работах ряда авторов. В своей статье Е. А. Шуклина и М. В. Певная приводят модель исследования социального участия, которая может стать подробным алгоритмом рассмотрения всех его аспектов [26]. В своей модели авторы делают акцент на том факте, что анализ происходит на стыке социологического и социокультурного подходов. Так, культура участия основывается на комплексе базовых элементов культуры: ценностях, нормах, стандартах поведения, традициях и языке. Среди общих ресурсов участия авторы также обращают внимание на деятельностные характеристики личности и общности в целом.

Помимо общих индикаторов, выделяемых классиками отечественной ресурсной стратификации, А. В. Мозговая и Е. В. Шлыкова, описывая социальные ресурсы, выделяют естественные, миграционную биографию, способность к адаптации, включенность в определенную социальную сеть, готовность к риску, социальное самочувствие, социально-психологические, психологические, мировоззренческие и поведенческие особенности [12, с. 366]. С точки зрения Ю. В. Савельева, реальные практики участия действующих людей (акторов) основаны на их гражданских ценностях, солидарности, степени ответственности [20]. Солидарность и локус ответственности также выделены как основополагающие характеристики активности в работах Т. А. Гужавиной [5]. Следовательно, можно предположить, что готовность к совместным действиям, солидарность являются базовыми установками активистов. В процессе выявления активности и ценностей очень часто поднимается вопрос актуальности изучения ценностных ориентиров молодежи как наиболее прогрессивной группы населения [9, 26].

Зачастую в отечественных исследованиях, основываясь преимущественно на изучении практик политического участия, ошибочно делаются выводы об инертности российского общества. В. В. Петухов и Р. В. Петухов приводят доказательства несостоятельности данного стереотипа по результатам мониторингового исследования «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», проведенного Институтом социологии ФНИСЦ РАН в 2014-2018 гг. Как утверждают авторы, «значительный потенциал гражданской активности заложен в местных сообществах». Место приложения усилий, а соответственно, и потенциал развития активизма и солидарности они видят в ближнем территориальном окружении. По мнению авторов, «население готово своими усилиями благоустроить свое жизненное пространство» [17]. Авторы доказывают, что наиболее активное ядро населения, которых они называют «профессионалами», очень отличаются ценностными ориентирами, установками. Та-

кие люди ориентированы на инициативу, предприимчивость, самообеспечение [16].

С. В. Патрушев пишет, что «развертывание сетей гражданского действия способствует распространению ценностей и норм гражданского участия, преодолению гражданской пассивности» [15, с. 273]. Данный принцип можно переложить и на участие в целом, в том числе и социальное. Повсеместное распространение практик участия приведет к преодолению пассивности населения.

Важной характеристикой наиболее активной части населения, с точки зрения В. В. Петухова и Р. В. Петухова, является высокий культурный капитал [18, с. 18]. Здесь однозначно возникают параллели с уже состоявшейся категорией креативного класса. Введенная еще Р. Флоридой, она основывается на важной характеристике творческого решения проблем — использовании комплексного знания при подходе к специфическим проблемам [25]. Креативному классу присуща активная жизненная позиция, открытость, самостоятельность в принятии решений. Методика Р. Флориды, основанная на выявлении креативности по трем составляющим: талант, технология, толерантность, получила апробацию и в российских реалиях, например, в работах А. Н. Пилысова, О. Ю. Колесниковой [19], А. Ю. Масленниковой, С. П. Лапаева [10]. В своей работе А. Ю. Масленникова обобщает опыт отечественных и зарубежных исследований и отмечает, что основными качествами креативного класса являются: готовность к переменам, открытость и восприимчивость к новым знаниям, умение легко адаптироваться, высокая самооценка [10, с. 238]. Из отечественных авторов очень глубоко концепт креативного класса проработан в исследованиях Ю. Г. Волкова. Он выделяет среди прочего отличительную черту — самомотивацию, умение работать на стыке разных областей знаний [3, 4]. Большинство отечественных авторов в креативном классе видят ядро преобразований российского общества и говорят о необходимости налаживания диалога креативного класса и власти на разных уровнях, особенно ярко это прослеживается в работах А. Н. Окары [14], Ю. Г. Волкова [3],

О. К. Трубицына [23], А. Ю. Масленниковой, С. П. Лапаева [10].

Таким образом, можно заключить, что ценностное ядро активистов, использующих практики социального и гражданского участия, составляют мотивация достижения в работе и повседневной жизни, склонность к солидарности, повышенный уровень ответственности, творческий подход к работе и потребность в творчестве, склонность к постоянному повышению образования.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассмотрим уровень участия по результатам эмпирического исследования жителей г. Череповца. Опрос населения г. Череповца Вологодской области был проведен в марте 2020 г. Выборочная совокупность — квотная половозрастная, репрезентирует население старше 18 лет. Опрошено 600 человек. Техническая обработка информации произведена в программе SPSS, версия 22 (статистический пакет для социальных наук).

Участие в деятельности общественных организаций в Череповце выражено слабо. 75% опрошенных не состоят ни в одной из групп, 13% состоят в одной группе, 6% — в двух, только 4% — в трех и более. Подобная ситуация характерна и в общероссийской тенденции. В России, по результатам исследования, только 34% населения участвовали в деятельности общественных организаций, «в т. ч. 17% участвовали в деятельности одной организации; 9% — двух; 8% — в деятельности трех и более организаций» [17, с. 13].

Среди всех видов формального участия в Череповце на первом месте участие в родительских сообществах (5%), профсоюзах (5%); получили распространение группы, которые встречаются только в интернет-пространстве (4%); достаточно развиты сообщества в сфере домашнего самоуправления (3%) (см. рис. 1). Далее идут организации, которые связаны со спортом, здоровым образом жизни, досугом (3%), и благотворительные (2%). В рамках российских реалий в целом закономерность та же: «участие связано с повседневной жизнью и интересами граждан: это интернет-сообщества по интересам, ассоциации

соседей и ТСЖ, профессиональные сообщества (по 8-10%)». Также достаточно развиты благотворительные организации (6%) [17, с. 13].

Неформальное общественное участие среди населения в целом представлено существенно шире. Среди общего списка практик нигде не участвовали 45% горожан, в одном виде практик принимали участие 25% респондентов, в двух видах — 17%, в трех — уже только 8%, четыре-мя и более оказались заняты 4,6%. Наиболее развиты общественные работы по месту жительства (субботники, мероприятия по благоустройству (29%), благотворительные акции (23%)), с удовольствием горожане принимают участие в массовых мероприятиях (это, как правило, праздничные городские мероприятия (18%), подпись петиций уже существенно реже — только 9%, публичные дискуссии 8%) (см. рис. 2).

Наиболее широко представлена «неформальная помощь — разнообразные формы активной индивидуальной и групповой помощи другим вне социальных и благотворительных объединений» [21, с. 136].

Только 19% жителей города не оказывали подобную помощь в последнее время, 32% оказывали как минимум один-два вида помощи из предложенного для анкетирования списка (см. рис. 3), 29% — три-четыре вида помощи, 13% — пять-шесть, 7% — более семи практик помощи. Наиболее распространена помощь в ближайшем окружении и зачастую морально-психологического плана — помощь советом, психологическая поддержка (50%), на втором месте помощь в делах (42%), далее материальная помощь деньгами (40%), вещами и продуктами (32%). Существенно реже развита помощь социального плана — содействие в уходе за престарелыми и больными (9%).

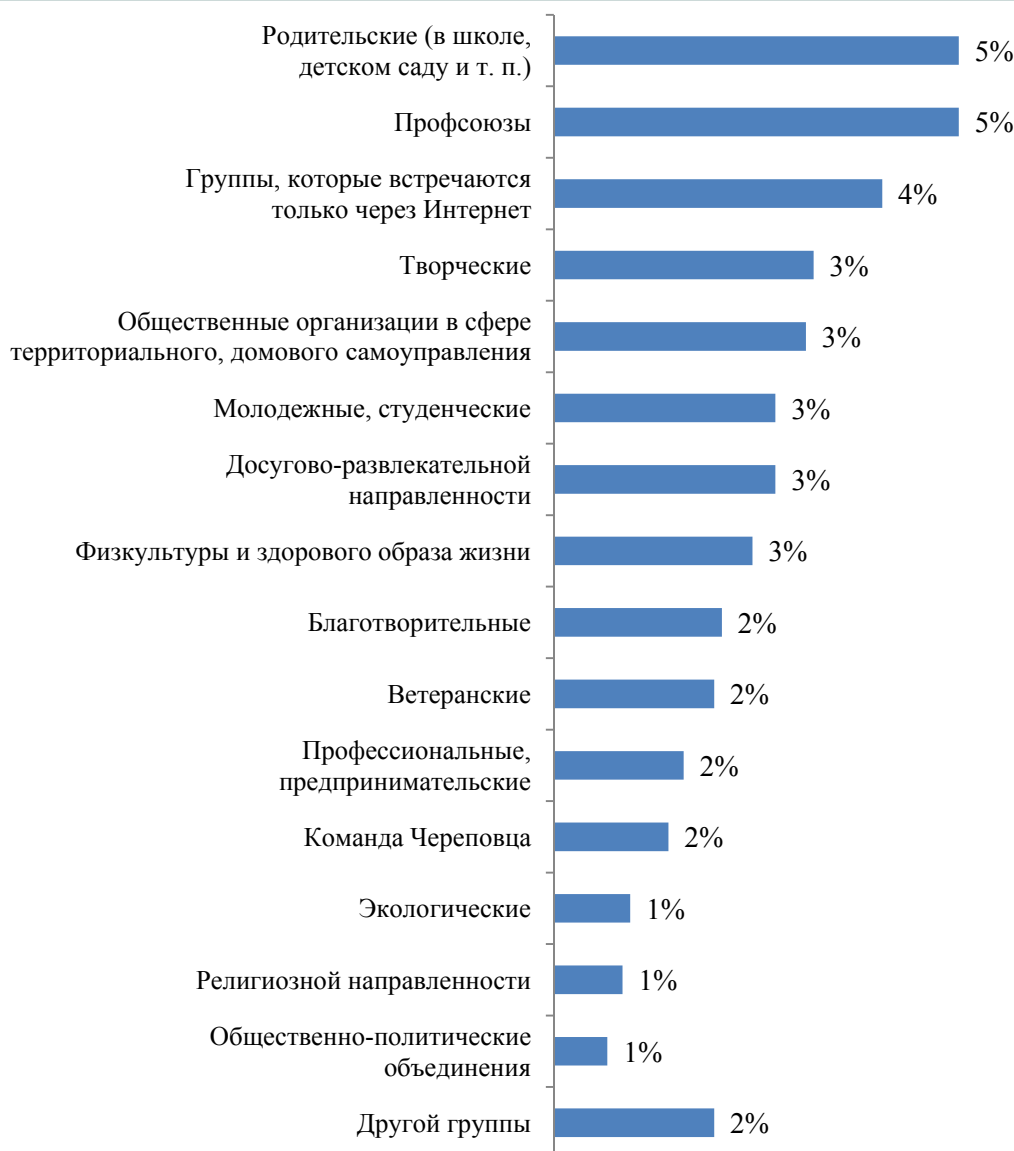
Для выявления основных ценностных ориентиров наиболее активных слоев населения, которых мы условно называем агентами социальных изменений, по каждой из форм участия мы провели группировку данных, разбив население на группы от наименее активных (вообще нет практик участия) до наиболее активных (несколько и много практик участия). Приведем результаты по наиболее важным выделенным в теоретической

части исследования ценностным блокам. Как показывают работы В. А. Ядова, Т. И. Заславской [7, 8, 27], социально активные группы населения должны обладать деятельностно-активистским потенциалом. Одним из индикаторов выявления деятельностных ориентиров является изучение мотивации трудовой деятельности. По результатам исследования, мотивация тех респондентов,

которые не состоят ни в одной из общественных организаций, и тех, кто состоит в двух-трех организациях, значительно отличается. У активистов присутствует явно выраженная так называемая мотивация достижения: для них важно проявлять самостоятельность в работе, инициативу, возможность самореализации. Из тех, кто не состоит ни в одной организации, только 12% отмечают важ-

Рис. 1. Распределение ответа на вопрос: «В состав каких официальных общественных организаций Вы входите?»

Fig. 1. Distribution of answers to the question: “What official public organizations do you belong to?”

ность возможности реализовать свои способности и перспективы профессионального и служебного роста, 9% — возможности проявлять инициативу, 7% — возможности обучения и повышения квалификации, тогда как для тех, кто состоит в двух и более организациях, все эти параметры важны для 20-22% представителей группы (см. таблицу 1, желтым выделены те параметры мотивации, которые у активистов статистически значимо выражены больше, красным — те, которые выражены меньше, чем среди всего населения в целом). К тому же установлено четкое снижение параметра важности уровня заработной платы. Он находится в рейтинге важности на первом месте, как у всего населения, так и у явно выраженных активистов, но если среди всего населения заработная плата наиболее важна для 65% респондентов, то среди тех, кто состоит в двух или более орга-

низациях, уже только для 42%. Так же и с важностью социального пакета, на которую указывают 21% среди всех респондентов, но только 10% активистов.

Как было сказано выше, безвозмездная помощь уже существенно больше распространена среди населения, соответственно, в этом аспекте группа активистов шире. Тем не менее зависимость мотивации и общие тенденции такие же. Ярко выражена мотивация достижения у тех, кто из всего спектра предложенных видов помощи оказывал не менее трех видов практик. Для них также важнее, чем для остального населения, самореализация, перспективы роста, возможность проявлять инициативу, тогда как важность социального пакета на предприятии, надежность, стабильность работы значимы меньше, чем для остальных (см. таблицу 2).

Рис. 2. Распределение ответа на вопрос: «В каких общественных делах Вы добровольно и бесплатно участвовали за последние год-два?»

Fig. 2. Distribution of answers to the question “In what public affairs have you participated voluntarily and free of charge in the last two years?”

Вторым существенным отличием активистов, заложенным в концепте категории «креативный класс» в трудах Р. Флориды, Ю. Г. Волкова и др., является высокий уровень творчества и креативности. Основная идея заключается в том, что желание творчески решать поставленные задачи, стремление создавать новое, удовлетворение творческой деятельностью в целом является одним из важных мотивов участия в разного рода мероприятиях, проявления созидательной творческой сущности индивида. Эмпирическим путем мы подтвердили данную идею. Среди тех, кто активно оказывает безвозмездную помощь, 81% согласились с суждением, что им доставля-

ет эмоциональное удовлетворение процесс творческой деятельности (см. рис. 4). Тогда как среди тех, кому чужды практики добровольной помощи, удовлетворение от творческой деятельности получают только 38% респондентов.

Более того, творческая деятельность не только доставляет активистам удовольствие, но и является важной потребностью. Так, большинство из тех, кто состоит в формальных организациях (80%), согласились, что будут заниматься созданием чего-то необычного и нового, даже если это связано с трудностями и риском, тогда как среди тех, кто не состоит ни в одной организации, таких только 45% (см. рис. 5).

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Что из перечисленного Вам приходилось делать для других людей за последний год?»

Fig. 3. Distribution of answers to the question “Which of the following have you had to do for other people over the past year?”

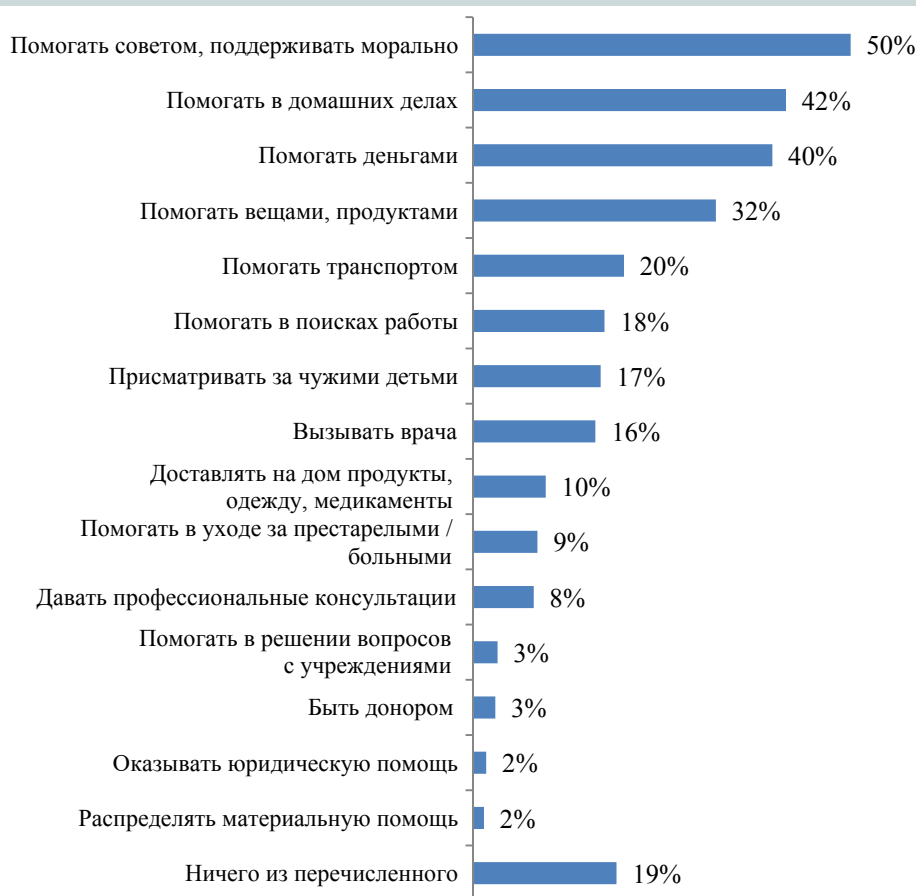

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «Что для Вас наиболее важно в работе?» в зависимости от участия в формальных организациях, в %

Table 1. Distribution of answers to the question “What is most important for you in your work?” depending on participation in formal organizations, in %

Варианты ответов	Участие в деятельности общественных организаций			
	нет	в одной	в двух и более	общий
Заработная плата	65	72	42	64
Надежность, стабильность места работы	38	43	27	37
Безопасность	29	40	25	30
Работа должна быть интересной	24	22	22	24
Социальный пакет на предприятии (льготы, лечение, отдых, спорт и т. д.)	21	26	10	21
Отношения с коллегами по работе	18	25	13	18
Работа оставляет время для досуга, личной жизни	15	8	18	15
Возможность реализовать свои способности	12	15	20	13
Перспективы профессионального, служебного роста	12	12	22	13
Отношения с руководством	13	9	15	13
Работа пользуется уважением у окружающих	11	12	17	12
Возможность проявлять инициативу, самостоятельность	9	4	20	9
Возможность обучения, повышения квалификации	7	8	22	9
Возможность участия в принятии решений	5	5	5	5

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Что для Вас наиболее важно в работе?» в зависимости от практик неформальной помощи респондентов, в %

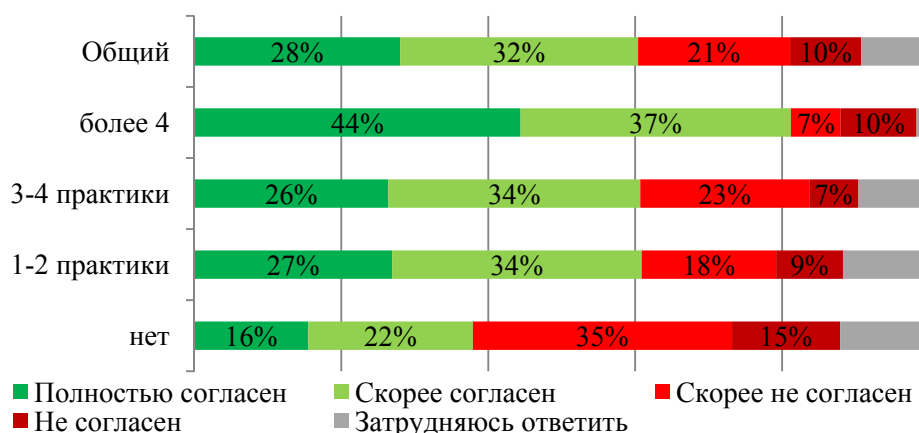
Table 2. Distribution of answers to the question “What is most important for you in your work?” depending on the practice of informal support of the respondents, in %

Варианты ответов	Практики неформальной помощи респондентов				
	нет	1	2	3 и более	общий
Заработная плата	70	55	63	63	64
Надежность, стабильность места работы	40	41	39	19	37
Безопасность (риск для жизни и здоровья минимален)	32	27	34	23	30
Работа должна быть интересной	21	28	19	28	24
Социальный пакет на предприятии (льготы, лечение, отдых, спорт и т. д.)	26	18	17	12	21
Отношения с коллегами по работе	17	21	25	11	18
Работа оставляет время для досуга, личной жизни	11	12	22	24	15
Возможность реализовать свои способности	7	20	14	20	13
Перспективы профессионального, служебного роста	8	17	14	21	13
Отношения с руководством	14	8	14	13	13
Работа пользуется уважением у окружающих	11	10	14	12	12
Возможность проявлять инициативу, самостоятельность	7	8	12	17	9
Возможность обучения, повышения квалификации	9	4	7	21	9
Возможность участия в принятии решений	5	5	7	4	5

Важной характеристикой деятельных людей является явно выраженный внутренний локус ответственности. Эмпирически это можно доказать следующим образом. Среди тех, кто очень часто оказывает добровольную помощь, 81%

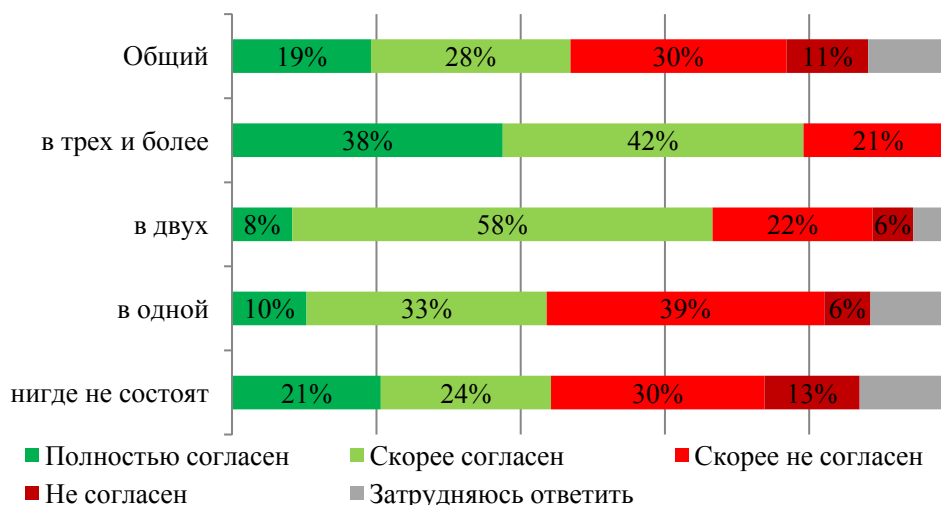
согласились с суждением, что им часто приходится брать ответственность за решение наиболее сложных проблем в окружении на себя. Среди тех, кому чужда помощь окружающим, таких существенно меньше — 56% (см. рис. 6).

Рис. 4. Согласие с суждением: «Мне доставляет эмоциональное удовлетворение процесс творческой деятельности», в зависимости от практик неформальной помощи
Fig. 4. Degree of agreeing with the statement “I am emotionally satisfied with the process of creative activity” depending on the practice of informal support

Рис. 5. Согласие с суждением: «Я буду заниматься созданием чего-то необычного и нового, даже если это связано с какими-то трудностями и риском» в зависимости от членства в общественных организациях

Fig. 5. Degree of agreeing with the statement “I will be engaged in the creation of something unusual and new, even if it is associated with some difficulties and risks” depending on the membership in the activities of public organizations

Соответственно и локус ответственности за дела во дворе, доме, городе и даже стране у активных групп населения существенно выше. Среди тех, кто состоит в трех и более формальных организациях, 75% сказали, что чувствуют ответственность за происходящее в своем доме, дворе (рис. 7). Тогда как среди групп, которые не состоят ни в одной организации, с данным суждением согласилось только 44%.

Более того, среди активистов более развито чувство солидарности и готовность объединяться для совместных действий. Среди тех, кто состоит в трех и более организациях, 93% готовы объединяться для решения социально-значимых проблем, тогда как среди неучаствующих таких только 55% (см. рис. 8).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

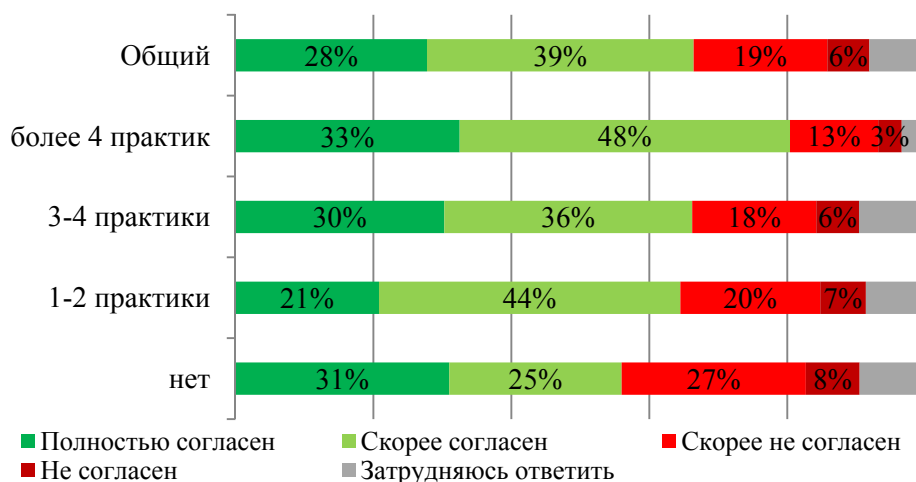
В соответствии с поставленной целью, на основании подходов отечественных и зарубежных авторов мы теоретически обосновали ядро мотивирующих ценностных установок наиболее социально активной части населения города. Основными индикаторами изучения социальной

активности стали практики участия — членство в формальных организациях, общественная деятельность, практики безвозмездной помощи. Как доказывает опыт нашего исследования и общероссийские тенденции, опыт членства в формальных организациях очень мало распространен среди россиян; неформальное участие, особенно в практиках территориального благоустройства, благотворительной помощи, в сфере здорового образа жизни и досуга, распространены существенно шире, но более всего распространены практики безвозмездной помощи, особенно в радиусе близкого окружения.

Сравнительный анализ ответов на вопросы ценностного блока среди не принимающих участия и активно участвующих по всем трем формам участия позволили нам эмпирически доказать результаты, выявленные в процессе анализа теоретических подходов. Наиболее активные группы населения, которые мы в ракурсе используемых ими практик участия обозначили как группу агентов социальных изменений, существенно отличаются от наиболее инертных слоев населения. Активистам характерна выраженная

Рис. 6. Согласие с суждением: «Мне очень часто приходится брать ответственность за решение наиболее сложных проблем и дел в коллективе, в семье, в окружении на себя» в зависимости от практик неформальной помощи респондента

Fig. 6. Agreeing with the judgment: "I very often have to take responsibility for dealing with the most difficult problems and affairs in my team, in my family, in my social circle" depending on the respondent's informal assistance practices

мотивация достижения в работе, они склонны проявлять инициативу, в работе ценят возможность самостоятельности и самореализации, для них значимо меньше важен фактор заработной

платы и социального пакета в организации, они меньше остальных держатся за стабильность в организации. Внутренний локус ответственности, осознание значимости в решении как своих

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос: «Чувствуете ли Вы ответственность за происходящее в Вашем доме, дворе?» в зависимости от членства в формальных организациях

Fig. 7. Distribution of answers to the question “Do you feel responsible for what is happening in your house, yard?” depending on participation in formal organizations

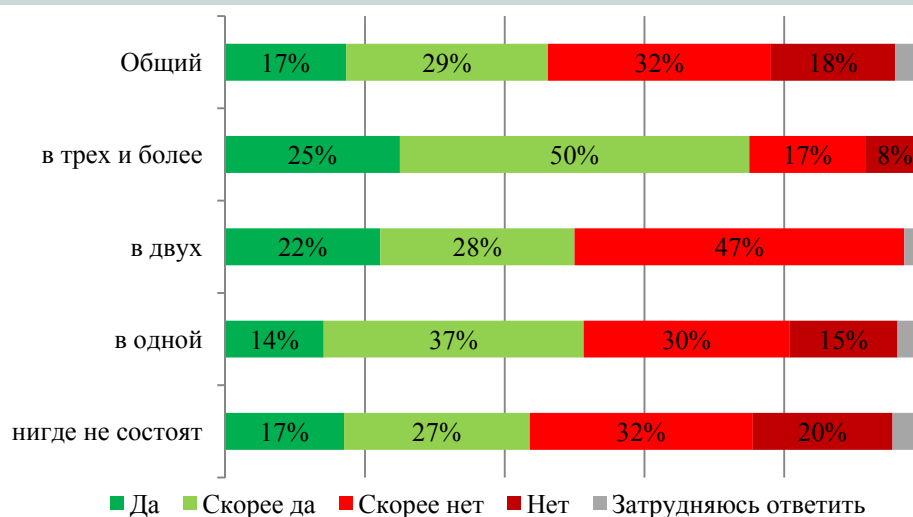
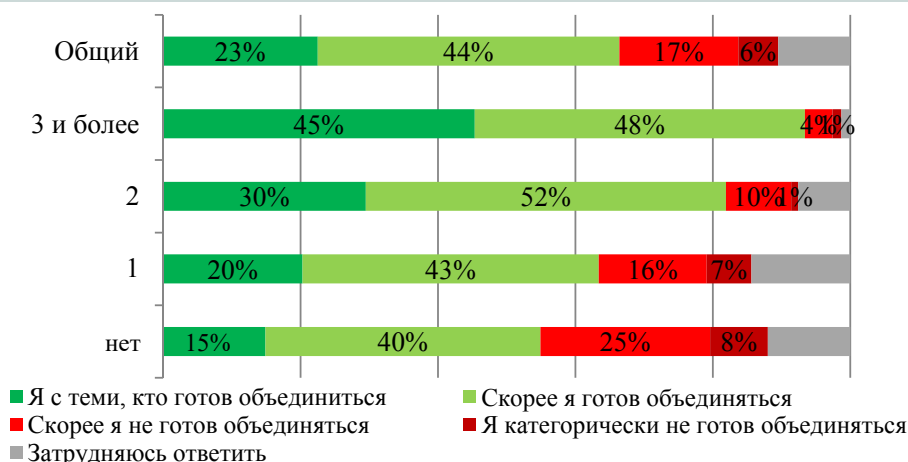

Рис. 8. Распределение ответа на вопрос: «К кому Вы себя относите, к тем, кто готов объединяться для совместных действий по решению общим проблем, или нет?», в зависимости от практик неформального общественного участия

Fig. 8. Distribution of answers to the question “Who do you consider yourself: the one who is ready to unite for collective actions to solve common problems or not?” depending on the practice of informal public participation

собственных проблем, так и проблем в непосредственном месте жительства, тоже является важной характеристикой агентов социальных изменений. Активным группам населения, подобно представителям креативного класса, свойственны мотивы творчества в работе. Они, как правило, являются теми, кто выдвигает большое количество идей в своей трудовой и повседневной деятельности, более того, для них важно проявление творчества, если даже это будет связано с трудностями и риском. Движущей силой актив-

ной деятельностной позиции также является явно выраженное стремление к объединению усилий с единомышленниками, чувство солидарности.

Выявленные тенденции имеют и очевидный прогностический характер. Изучение общих ценностей, сравнение разных регионов по ценностным установкам позволяет спрогнозировать уровень социальной активности, а соответственно, и социальные ресурсы и потенциал развития региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданов В. С. Диагностика потенциала социального участия в контексте организации обратной связи между властью и населением / В. С. Богданов, А. А. Мерзляков // Научный результат. Социология и управление. 2018. № 4. С. 65-77. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-6
2. Васильева Е. И. Гражданское участие российских школьников / Е. И. Васильева, Т. Е. Зерчанинова // Научный результат. Социология и управление. 2021. Том 7. № 3. С. 55-69. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-6
3. Волков Ю. Г. Креативный класс: поиск социологического концепта / Ю. Г. Волков // Россия реформирующаяся. 2010. № 9. С. 43-60.
4. Волков Ю. Г. Новые социальные лифты в региональном пространстве / Ю. Г. Волков // Россия реформирующаяся. 2020. № 18. С. 131-159. DOI: 10.19181/ezheg.2020.6131
5. Гужавина Т. А. Социальный капитал городского сообщества: доверие, солидарность, ответственность / Т. А. Гужавина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. № 4. С. 252-268. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.16
6. Желнина А. А. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России / А. А. Желнина, Е. В. Тыканова // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. № 22 (1). С. 162-192. DOI: 10.31119/jssa.2019.22.1.8
7. Заславская Т. И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации / Т. И. Заславская. М.: Дело, 2004. 400 с.
8. Заславская Т. И. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений / Т. И. Заславская, В. А. Ядов // Социологический журнал. 2008. № 4. С. 8-22.
9. Мартынова Т. Н. Добровольческая деятельность как форма социальной и гражданской активности студенческой молодежи / Т. Н. Мартынова, М. С. Яницкий, А. А. Зеленин, С. А. Пфетцер // Профессиональное образования в России и за рубежом. 2019. № 1. С. 160-167.
10. Масленникова А. Ю. Формирование высокого уровня креативности населения как определяющего фактора инновационного развития региона / А. Ю. Масленникова, С. П. Лапаев // Вестник ОГУ. 2012. № 13. С. 237-243.
11. Мерзляков А. А. Социальное участие как объект социологического анализа / А. А. Мерзляков // Модернизация отечественной системы управления: анализ тенденций и прогноз развития: материалы Всерос. науч.-практ. конф. и XII-XIII Дридзеvских чтений. М.: ИС РАН, 2014. С. 321-326.
12. Мозговая А. В. Неравенство в распределении рисков: ресурсы и стратегии адаптации / А. В. Мозговая, Е. В. Шлыкова // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков; Ин-т социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2016. Вып. 14. С. 358-378.

13. Никовская Л. И. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития / Л. И. Никовская, И. А. Скалабан // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 43-60. DOI: 10.17976/jpps/2017.06.04
14. Окара А. Н. Креативный класс как партнер государства / А. Н. Окара // Независимая газета. 2009. № 276. С. 12.
15. Патрушев С. В. Гражданская активность как фактор модернизации / С. В. Патрушев // Модернизация и политика в XXI веке / отв. ред. Ю. С. Оганисян; Ин-т социологии РАН. М., 2011. С. 262-275. URL: http://www.isras.ru/files/File/Publication/Patrushev_Modern_Polit.pdf
16. Петухов В. В. Социально активные группы российского общества: формирование запроса на демократическое участие / В. В. Петухов, Р. В. Петухов // Вестник Института социологии. 2021. Том 12. № 1. С. 16-38. DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.697
17. Петухов В. В. и др. Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия / В. В. Петухов и др. // Власть. 2014. № 9. С. 11-19.
18. Петухов В. В. Социально активные группы российского общества: формирование запроса на демократическое участие / В. В. Петухов, Р. В. Петухов // Вестник Института социологии. 2021. Том 12. № 1. С. 16-38. DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.697
19. Пилясов А. Н. Оценка творческого потенциала Российских региональных сообществ / А. Н. Пилясов, О. Ю. Колесникова // Вопросы экономики. 2008. № 9. С. 50-69. DOI: 10.32609/0042-8736-2008-9-50-69
20. Савельев Ю. Б. Основные типы участия в общественной жизни европейских стран / Ю. Б. Савельев // Социологические исследования. 2013. № 12. С. 64-71.
21. Скалабан И. А. Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий / И. А. Скалабан // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 1. С. 130-139.
22. Соколов А. В. Развитие гражданской активности в России в условиях цифровой трансформации / А. В. Соколов, Я. В. Барский // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: история, политология, социология. 2021. № 2. С. 68-74.
23. Трубицын О. К. Развитие креатосферы в информационном обществе / О. К. Трубицын // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2019. № 2 (24). С. 29-49.
24. Уханова Ю. В. Коллективные практики и потенциал гражданского участия локального сообщества (социологическое исследование в российских регионах) / Ю. В. Уханова // Проблемы развития территории. 2021. Том 25. № 1. С. 88-107. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.5
25. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида; пер. с англ. А. Константинова. М.: АСТ, 2011. 418 с.
26. Шуклина Е. А. Методологические основы междисциплинарных исследований социального участия молодежи постсоветских стран в социокультурном развитии города / Е. А. Шуклина, М. В. Певная // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 5. С. 101-113. DOI: 10.26105/SSPU.2020.68.5.025
27. Ядов В. А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: Возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе / В. А. Ядов // Кто и куда стремится вести Россию? / под ред. Т. И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001. С. 310-319.
28. Ammar A. COVID-19 home confinement negatively impact social participation and life satisfaction: a worldwide multicenter study / A. Ammar, A. Hoekelmann, O. Hammouda et al. // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. Vol. 17. No. 17. Pp. 1-17. DOI: 10.5114/biolsport.2021.101605
29. Bekalu M. A. Association of social participation, perception of neighborhood social cohesion, and social media use with happiness: evidence of trade-off / M. A. Bekalu, R. F. McCloud, S. Minsky, K. Viswanath // Journal of Community Psychology. 2020. Vol. 49. No. 2. Pp. 432-446. DOI: 10.1002/jcop.22469
30. Bourdieu P. Forms of Capital / P. Bourdieu // The Sociology of Economic Life // M. Granovetter, R. Swedberg (eds.). 2nd ed. Boulder: Westview Press, 2001. Pp. 96-111.

31. Chanda S. Impact of transition in work status and social participation on cognitive performance among elderly in India / S. Chanda, R. Mishra // *BMC Geriatrics*. 2019. Vol. 19. No. 1. P. 251. DOI: 10.1186/s12877-019-1261-5
32. Coleman J. *The Foundations of Social Theory* / J. Coleman. Cambridge, MA: Belknap of Harvard UP, 1993. 304 pp.
33. Coleman J. Social capital in the Creation of Human Capital / J. Coleman // *American Journal of Sociology*. 1988. Vol. 94. Pp. 95-120.
34. Couton Ph. Rethinking social participation: the case of immigrants in Canada / Ph. Couton, S. Gaudet // *Journal of International Migration and Integration*. 2008. Vol. 9. No. 1. Pp. 21-44.
35. Ekman J. Political participation and civic engagement: towards a new typology / J. Ekman, E. Amna // *Human Affairs*. 2012. Vol. 22. No. 3. Pp. 283-300. DOI: 10.2478/s13374-012-0024-1
36. Kenneth N. Patterns of Participation: Political and Social Participation in 22 Nations / N. Kenneth, G. Heiko // Discussion Paper SP IV 2008-201 / Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung (WZB). Berlin, 2008. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/49726/1/587500093.pdf>
37. Meyer D. S. Protest and political opportunities / D. S. Meyer // *Annual Review of Sociology*. 2004. Vol. 30. Pp. 125-145. DOI: 10.1146/annurev.soc.30.012703.110545
38. Morales L. *Joining Political Organizations: Institutions, Mobilization and Political Participation in Western Democracies* / L. Morales. Colchester: ECPR Press, 2009. 264 pp. URL: <https://www.escholar.manchester.ac.uk/api/datastream?publicationPid=uk-ac-man-scw:4b1287&datastreamId=SUPPLEMENTARY-1.PDF>
39. Putnam R. Bowling alone: America's declining social capital / R. Putnam // *The Journal of Democracy*. 1995. Vol. 6. No. 1. Pp. 65-78. DOI: 10.1353/jod.1995.0002
40. Schlozman K. L. Citizen participation in America: what do we know? Why do we care? / K. L. Schlozman // *Political Science: The State of the Discipline* / I. Katznelson, H. V. Milner (eds.). New York: Norton, 2002. Pp. 433-461.
41. *Social Capital, Political Participation and Migration in Europe* / L. Morales, M. Giugni (eds). Macmillan Publishers Limited, 2011. 326 pp.

RESEARCH ARTICLE

DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-1-44-61

UDC 316.342.6

Specifics of value attitudes of agents of social changes

Irina N. Vorobyova

Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor,
Department of Sociology and Social Technologies,
Cherepovets State University (Cherepovets, Russian Federation)
ORCID: 0000-0001-5970-051X; WoS ResearcherID: AAX-4496-2021
Vorobyova-i-n@yandex.ru

Abstract. The main purpose of the article is to reveal the specifics of the value core of the attitudes which belong to the most active strata of the population. The theoretical and methodological basis of the work is the action activist approach of V. A. Yadov. The main hypothesis of the research is that the most active part of the population is characterized by achievement-oriented motivation in work, a pronounced locus of responsibility, a tendency to solidarity, and the creative essence of an individual. The research method of collecting information consisted of a mass survey of the population of the city of Cherepovets, Vologda Oblast, based on a representative quota sample in accordance with the sex and age structure of the city aged over 18. A total of 600 people were interviewed in March 2020. Scientific novelty lies in the revealing the most active social group of agents of social changes based on the practices of formal and informal social participation, as well as in the identifying the specifics of their attitudes and values. The basis for identifying the value core of the attitudes of the most active part of the population is the studies of such category as “creative class” identified in the works of R. Florida, Yu. G. Volkov, A. Yu. Maslennikov and others, as well as research on the practical measurement of motives and attitudes of civil and social participation, reflected in the works of S. V. Patrushev, V. V. Petukhov, Yu. B. Savelyev. In the second part of the article, the author proves the fact of a low level of the population’s membership in formal organizations, sufficiently developed practices of informal public participation and widely developed practices of informal support. Analysis of the responses to the indicators of identifying value attitudes among groups of the population representing different levels of social activity made it possible to mark out the main core of value orientations of agents of social changes. The author proves that among activists the motives for achievement in work are most clearly identified through the possibility of showing initiative, self-realization, independence, career prospects. Activists are characterized by such features of creativity in their everyday attitudes as the desire to do something new, even if it is associated with risks and difficulties, enjoyment of creative work. An important component of their attitude is a pronounced responsibility for what is happening in their house, surroundings; they prefer to take responsibility and initiative in solving problems. Agents of social changes are characterized by solidarity, a tendency to unite for collective actions to solve common problems.

Keywords: agents of social changes, value attitudes, creative class, achievement motivation, social participation, informal support, locus of responsibility.

Citation: Vorobyova I. N. 2022. “Specifics of value attitudes of agents of social changes”. *Siberian Socium*, vol. 6, no. 1 (19), pp. 44-61.
DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-1-44-61

REFERENCES

1. Bogdanov V. S., Merzlyakov A. A. 2018. "Diagnostics of the potential of social participation in the context of organizing feedback between authorities and population". *Scientific Result. Sociology and Management*, no. 4, pp. 65-77. DOI: 10.18413 / 2408-9338-2018-4-4-0-6 [In Russian]
2. Vasileva E. I., Zerchaninova T. E. 2021. "Civic participation of Russian schoolchildren". *Scientific Result. Sociology and Management*, vol. 7, no. 3, pp. 55-69. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-6 [In Russian]
3. Volkov Yu. G. 2010. "Creative class: the search of a sociological concept". *Reforming Russia*, no. 9, pp. 43-60. [In Russian]
4. Volkov Yu. G. 2020. "New social elevators in the regional space". *Reforming Russia*, no. 18, pp. 131-159. DOI: 10.19181/ezheg.2020.6131 [In Russian]
5. Guzhavina T. A. 2018. "Social capital of the urban community: trust, solidarity, responsibility". *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 11, no. 4, pp. 252-268. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.16 [In Russian]
6. Zhelnina A. A., Tykanova E. V. 2019. "Formal and informal civic infrastructures: contemporary studies of urban local activism in Russia". *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 22, no. 1, pp. 162-192. DOI: 10.31119/jssa.2019.22.1.8 [In Russian]
7. Zaslavskaya T. I. 2004. *Modern Russian society: social mechanism of transformation*. Moscow: Delo. 400 pp. [In Russian]
8. Zaslavskaya T. I., Yadov V. A. 2008. "Social transformations in Russia in the era of global changes". *Sociological journal*, no. 4, pp. 8-22. [In Russian]
9. Martynova T. N., Yanitskiy M. S., Zelenin A. A., Pfttser S. A. 2019. "Voluntary activity as a form of social and civil activity of student youth". *Professional Education in Russia and Abroad*, no. 1, pp. 160-167. [In Russian]
10. Maslennikova A. Yu., Lapaev S. P. 2012. "A high level of creativity as a determinant of innovation development of the region". *Vestnik of the Orenburg State University*, no. 13, pp. 237-243. [In Russian]
11. Merzlyakov A. A. 2014. "Social participation as an object of sociological analysis". *Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference and 12th-13th Dridze Readings "Modernization of the Domestic Management System: Trend Analysis and Development Forecast"*, pp. 321-326. Moscow: IS RAS. [In Russian]
12. Mozgovaya A. V., Shlykova E. V. 2016. "Disparity in the social distribution of risks: resources and adaptation strategies". In: Gorshkov M. K. (ed.). 2016. *Reforming Russia: Yearbook*. Vol. 14. Pp. 358-378. Moscow: Novyy khronograf; Institut sotsiologii RAN. [In Russian]
13. Nikovskaya L. I., Skalaban I. A. 2017. "Civic participation: features of discourse and actual trends of development". *Polis. Political Studies*, no. 6, pp. 43-60. DOI: 10.17976/jpps/2017.06.04 [In Russian]
14. Okara A. N. 2009. "Creative class as a partner of the state". *Nezavisimaya gazeta [Independent journal]*, no. 276, p. 12. [In Russian]
15. Patrushev S. V. 2011. "Civil activity as a factor of modernization". In: Oganisyan Yu. S. (ed.). 2011. *Modernization and politics in the 21st century*. Pp. 262-275. Moscow: Institut sotsiologii RAN. http://www.isras.ru/files/File/Publication/Patrushev_Modern_Polit.pdf [In Russian]
16. Petukhov V. V., Petukhov R. V. 2021. "Socially active groups of Russian society: forming a demand for democratic participation". *Bulletin of the Institute of Sociology*, vol. 12, no. 1, pp. 16-38. DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.697 [In Russian]
17. Petukhov V. V. et al. 2014. "Civil activism in Russia: motivation, values and forms of participation". *The Authority*, no. 9, pp. 11-19. [In Russian]
18. Petukhov V. V., Petukhov R. V. 2021. "Socially active groups of Russian society: forming a demand for democratic participation". *Bulletin of the Institute of Sociology*, vol. 12, no. 1, pp. 16-38. DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.697 [In Russian]
19. Pilyasov A. N., Kolesnikova O. Yu. 2008. "Evaluation of creativity of the Russian regional communities". *Economic Issues*, no. 9, pp. 50-69. DOI: 10.32609/0042-8736-2008-9-50-69 [In Russian]

20. Saveliev Yu. B. 2013. "The main types of participation in the public life of European countries". *Sociological research*, no. 12, pp. 64-71. [In Russian]
21. Skalaban I. A. 2011. "Social, public and civic participation: to the problem of understanding of the concepts". *Tomsk State University Journal. Philosophy. Sociology. Political science*, no. 1, pp. 130-139. [In Russian]
22. Sokolov A. V., Barskiy Ya. V. 2021. "Development of civil engagement in Russia in the conditions of digital transformation". *Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*, no. 2, pp. 68-74. [In Russian]
23. Trubitsyn O. K. 2019. "Creatosphere development in information society". *Philosophy and Humanities in Information Society*, no. 2 (24), pp. 29-49. [In Russian]
24. Ukhanova Yu. V. 2021. "Collective practices and potential for civic participation of local community (sociological research in Russian regions)". *Problems of Territory Development*, vol. 25, no. 1, pp. 88-107. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.5 [In Russian]
25. Florida R. 2011. *Creative class: people who change the future*. Translated from English by A. Konstantinov. Moscow: AST. 418 pp. [In Russian]
26. Shuklina E. A., Pevnaya M. V. 2020. "Methodological basis of interdisciplinary studies for social participation of youth in post-Soviet countries in the socio-cultural development of the city". *The Surgut State Pedagogical University Bulletin*, no. 5, pp. 101-113. DOI: 10.26105/SSPU.2020.68.5.025 [In Russian]
27. Yadov V. A. 2001. "Social resource of individuals and groups as their capital: The possibility of applying a universal methodology for studying real stratification in Russian society". In: Zaslavskaya T. I. (ed.). 2001. *Who and where is seeking to lead Russia?* Pp. 310-319. Moscow: MVShSEN, 2001. [In Russian]
28. Ammar A., Hoekelmann A., Hammouda O. et al. 2020. "COVID-19 home confinement negatively impacts social participation and life satisfaction: a worldwide multicenter study". *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 17, no. 17, pp. 1-17. DOI: 10.5114/biolsport.2021.101605
29. Bekalu M. A., MacCloud R. F., Minsky S., Viswanath K. 2020. "Association of social participation, perception of neighborhood social cohesion, and social media use with happiness: evidence of trade-off". *Journal of Community Psychology*, vol. 49, no. 2, pp. 432-446. DOI: 10.1002/jcop.22469
30. Bourdieu P. "Forms of Capital". In: Granovetter M., Swedberg R. (eds.). 2001. *The Sociology of Economic Life*. 2nd Edition. Pp. 96-111. Boulder: Westview Press.
31. Chanda S., Mishra R. 2019. "Impact of transition in work status and social participation on cognitive performance among elderly in India". *BMC Geriatrics*, vol. 19, no. 1, p. 251. DOI: 10.1186/s12877-019-1261-5
32. Coleman J. 1993. *The Foundations of Social Theory*. Cambridge, MA: Belknap of Harvard UP. 304 pp.
33. Coleman J. 1988. "Social capital in the creation of human capital". *American Journal of Sociology*, vol. 94, pp. 95-120.
34. Couton Ph., Gaudet S. 2008. "Rethinking social participation: the case of immigrants in Canada". *Journal of International Migration and Integration*, vol. 9, no. 1. Pp. 21-44.
35. Ekman J., Amnå E. 2012. "Political participation and civic engagement: towards a new typology". *Human Affairs*, vol. 22, no. 3, pp. 283-300. DOI:10.2478/s13374-012-0024-1
36. Kenneth N., Heiko G. 2008. "Patterns of Participation: Political and Social Participation in 22 Nations". WZB Discussion Paper no. SP IV 2008-201. Berlin. <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/49726/1/587500093.pdf>
37. Meyer D. S. 2004. "Protest and political opportunities". *Annual Review of Sociology*, vol. 30, pp. 125-145. DOI: 10.1146/annurev.soc.30.012703.110545
38. Morales L. 2009. *Joining Political Organizations: Institutions, Mobilization and Political Participation in Western Democracies*. Colchester: ECPR Press. 264 pp. <https://www.escholar.manchester.ac.uk/api/datastream?publicationPid=uk-ac-man-scw:4b1287&datastreamId=SUPPLEMENTARY-1.PDF>
39. Putnam R. 1995. "Bowling alone: America's declining social capital". *The Journal of Democracy*, vol. 6, no. 1, pp. 65-78. DOI: 10.1353/jod.1995.0002
40. Schlozman K. L. 2002. "Citizen participation in America: what do we know? Why do we care?". In: Katznelson I., Milner H. V. (eds.). 2002. *Political Science: The State of the Discipline*. Pp. 433-461. New York: Norton.
41. Morales L., Giugni M. (eds.). 2011. *Social Capital, Political Participation and Migration in Europe*. Macmillan Publishers Limited. 326 pp.